

МУДРОСТЬ ТАЛАНТА

К 100-летию со дня рождения Л. С. Вивьена

ЗАВТРА во Дворце работников искусств имени К. С. Станиславского состоится вечер памяти народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР Леонида Сергеевича Вивьена, посвященный столетию со дня его рождения.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ советский актер, режиссер, театральный деятель, он пришел на подмостки Александринского театра (ныне Театр драмы имени А. С. Пушкина) в 1911 году. Здесь им было создано около сотни сценических образов. В 1938 году Вивьен был назначен главным режиссером театра и оставался на этом посту до конца жизни.

Как постановщик Вивьен обращался к этапным произведениям советской драматургии. Он поставил спектакли «Вириная» по пьесе Сейфуллиной и Правдухина, «Русские люди» Симонова, «Нашествие» Леонова, «Кремлевские куранты» Погодина, «Жизнь в цвету» Довженко, «Бег» Булгакова, «Все остается людям» Алешина, «Друзья и годы» Зорина. Вошли в историю театра его спектакли, поставленные по произведениям русской классики, — «Чайка», «Дядя Ваня», «Борис Годунов», «Ревизор», «На дне», «Маленькие трагедии», «Игрок».

Профессор Вивьен воспитал блестящую плеяду актеров. Среди его учеников — Н. Симонов, В. Меркурьев, Ю. Толубеев и многие, многие другие. Творчество выдающегося мастера сценического искусства Леонида Сергеевича Вивьена вписало немало блестя-

щих страниц в историю русского и советского театра.

Сегодня на страницах газеты выступает с воспоминаниями один из его учеников.

СЛУЧИЛОСЬ так, что долгие годы я был связан с Леонидом Сергеевичем Вивьеном — сначала учился в его классе на режиссерском факультете Ленинградского театрального института имени А. Н. Островского, потом работал в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина, который он возглавлял.

И уже покинув театр, никогда не терял с ним связи — приглашал на свои спектакли.

Я хорошо запомнил первый урок Вивьена, первую его беседу с нами.

— Вы выбрали сложную профессию, — говорил он нам, — одну из наиболее сложных в двадцатом веке, ибо профессия режиссера требует такого количества различных человеческих качеств и знаний, которые редко удаётся объединить в себе одному человеку. И это — не говоря уже о таланте. Талант — это исходное, «предварительное» условие, которое создаёт только возможность стать режиссером. Все остальное — личные качества: воля, ум, широта мышления, уровень

образованности — могут сделать эту возможность действительностью.

Дальше следовало перечисление многочисленных, повергших нас в полное уныние качеств, необходимых режиссеру для работы в театре. Для того чтобы просто работать, а не успешно работать. Да кто же обладает таким количеством редких, присущих одному человеку качеств?!.. Он обладал.

Большое внимание уделял Вивьен вопросам идейным, гражданственным, неразделимости метафорического и мыслительного ряда в профессии режиссера. И сколько раз потом на практике — и в жизненных ситуациях, и в сценических коллизиях — мне приходилось убеждаться в справедливости его слов.

Много внимания уделял Вивьен и этике.

Режиссер, попадая в театр, говорил он, становится в той или иной степени руководителем коллектива, часто состоящего из людей опытных, искушенных в театральном деле, за плечами которых не один десяток сыгранных ролей. Молодой режиссер всегда приходит в театр «официром», в то время как актеры — даже самые прославленные — всегда «солдаты». И это обстоятельство налагает на режиссера особую ответственность в области взаимоотношений с исполнителями спектакля и труппой театра в целом.

Вивьен подчеркивал, что сохранение точной грани между подлинной, убежденной принципиальностью и бессмысленным упрямством, чванным самообольщением собственной исключительностью, свойственным человеческой природе, составляет, очевидно, то умение, за которое наиболее высоко оценивает режиссера-руководителя работающий с ним творческий коллектив.

Перед нами вскрывалась суть профессии человеком, который, владея ею, много передунал и проанализировал с позиций своей долготелней практики. Он делился с нами не окончательными выводами, не «вешал», а как бы пытался внушить нам результаты своего опыта, прекрасно понимая в то же время, что

каждый из нас пройдет свой собственный путь, приобретет свой собственный, подчас горький опыт.

ВИВЬЕН был человеком доброжелательным, беззлобным, никогда ни о ком не говорил плохо. Он мог творчески не принимать кого-то, отрицать полностью, но и в этом случае не унижал достоинства человека. Он буквально источал доброжелательность, великодушие. Ему это часто ставилось в вину. Казалось, что он непоследователен, казалось, что он жертвует во имя доброжелательности какими-то художественными ценностями. Но чаще всего в конце концов он оказывался прав именно по художественной линии.

Не могу удержаться, чтобы не вспомнить о решающей, на мой взгляд, особенности личности Л. С. Вивьена — необыкновенном юморе, которым он обладал. Он любил смешное в самых разных и неожиданных проявлениях, любил сам пошутить и получал удовольствие от реакции окружающих, любил посмеяться от души, по-детски открыто.

Когда я уже работал в театре, помню, на какой-то из последних репетиций что-то, как это обычно бывает, оказалось не готово... Не выдерживая, начинаю кому-то резко выговаривать и даже покрикивать. Вивьен сидит в четвертом ряду, вроде бы ко всему безучастный, и вдруг объявляет перерыв в еще не начавшейся репетиции. Оставляем вдвоем в темном зале.

— Иди сюда. Садись. Скажи — кто я?

Нервноичаю: — Сейчас не до шуток, Леонид Сергеевич!

— Неверно. Всегда до шуток. Особенно сейчас. Давай. Кто я? Перечисляй все звания и титулы.

Перечисляю...

Пауза.

— Видишь, как складно. А если бы я в твоём возрасте так кричал — где бы я сейчас был? Лежал бы под сенью берез.

ЕСЛИ еще в институте я видел, что Леонид Сергеевич не оставлял без внимания любую мало-мальски интересную, своеобразную мысль ученика, то, работая с ним в театре, я ощущал полную свободу в своих взаимоотношениях с актерами, так как твердо знал, что ничто не будет предано остракизму, если даже ему что-то покажется неверным. Он так прямо и скажет:

— Неверно!

И попытается объяснить, убедить. А все хорошее будет непременно поддержано.

1959 год. Смотрит мой спектакль в БДТ. Для меня это большое событие. После спектакля:

— Вообще-то хорошо. И пьеса толкована. А почему без занавеса? Зайди-ка завтра...

А назавтра длинный, подробный, доброжелательный профессиональный разговор «на равных» о том, что удалось и не удалось в спектакле, а главное — почему не удалось.

С едким юмором отвергал Вивьен модные в то время «новации».

— Зритель теперь ко всему привык... Если актеры начнут вылезать из-под стульев или сгибать с люстры, никто не удивится. Думаю, что скоро новатором в режиссуре будет считаться тот, кто просто начнет спектакль, ударив в гонг

и подняв занавес.

Кажется, в наши дни это предвидение начинает сбываться.

1966 год. Незадолго до его кончины. Мой первый спектакль в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской. «Господин Пунтилла и его слуга Маттиас Б. Брехта. В седьмом ряду Л. С. Вивьен. Он постарел, но еще красив и привлекает всеобщее внимание своей выразительной внешностью.

Я сидел в кабинете и мучился. Иногда включал внутреннюю трансляцию и тут же выключал. Актеры, как мне казалось, говорили неестественно бодрыми голосами и все время пели что-то обличительно-бравурное. Я со страхом думал о предстоящей встрече.

После спектакля:

— Гарнира много! Так много, что иногда зайца даже не видать... Приходи, поговорим...

И опять длинный обстоятельный разговор, в котором он подробно разобрал спектакль с профессионально-режиссерской позиции. А когда взыгрывало во мне самолюбие и я начинал спорить, грустно говорил:

— Ты слушай, слушай, тебе этого никто не скажет. Есть уже, небось, и «поклонники творчества», и «свои» критики...

Это была последняя встреча с Леонидом Сергеевичем Вивьеном.

С годами начинаешь понимать все яснее и яснее всю мудрость жизненного и творческого опыта этого замечательного человека, выдающегося Мастера сцены.

Р. АГАМИРЗЯН,
народный артист СССР,
лауреат Государственной премии СССР